

УДК: 372.8

Хуньчуньская переводческая школа русского языка (1888—1900)

Павел Андреевич Лапин,

кандидат исторических наук, руководитель группы гуманитарного сотрудничества и информации Посольства России в Китае, Пекин, КНР.
E-mail: waijiao2000@mail.ru

В конце XIX — начале XX в. по мере укрепления российско-китайских контактов и вовлечения Цинской империи в систему международных отношений нового типа в этом восточном государстве начали открываться школы русского языка и перевода. Их главная задача заключалась в подготовке людей со знанием русского языка в интересах развития военно-дипломатических и торгово-экономических связей между двумя империями. Инициаторами создания таких учебных заведений выступали, как правило, центральные власти и, лишь за редким исключением, местные военачальники и гражданские администрации.

Особое внимание уделялось приграничным районам Цинской империи, где в большей степени ощущалась потребность в специалистах по России. Москва вела активную внешнюю политику на Дальнем Востоке, в том числе близ границ Китая, власти которого должны были реагировать на эти процессы, внимательно отслеживая планы россиян, что без хороших знатоков русского языка было сделать невозможно. Одним из таких учебных заведений стала Хуньчуньская переводческая школа русского языка, открывшаяся в китайской северо-восточной провинции Цицинь, граничившей с Россией. Несмотря на то, что эта школа просуществовала весьма недолго и из-за нехватки средств и сложной политической ситуации, сложившейся в государстве, была закрыта, она заложила благоприятную основу для распространения в этой части Китайской империи русского языка и подготовки переводчиков, обеспечила накопление административного и педагогического опыта, который был использован при создании там впоследствии новых школ русского языка.

Ключевые слова: русский язык в Китае, преподавание русского языка, Цинская империя, российско-китайские гуманитарные связи.

Hunchun translation school of the Russian language (1888—1900).**Pavel Lapin**, Russian Embassy in China, Beijing, PRC. E-mail: waijiao2000@mail.ru.

In the late nineteenth and early twentieth centuries, following the growth of the Russian-Chinese contacts and the integration of the Qing Empire in the new system of international affairs, Russian language and translation schools were established in this Eastern state. Their main goal was to train the experts in the Russian language in order to develop bilateral military and diplomatic, trade and economic connections. The central authorities and, with rare exceptions, local military leaders and civil administrations were the initiators of such educational institutions.

The authorities paid special attention to the border territories of the Qing Empire where Russian language experts were in higher demand. Moscow led active foreign policy in the Far East as well as near Chinese borders where the authorities had to react on these processes, to control attentively the plans of the Russians that was impossible without the Russian language experts. One of such schools was Hunchun translation school of the Russian language which was opened in the northeastern Chinese province of Jilin near the Russian border. In spite of the fact that this school existed for quite a short period of time and was closed due to the lack of money and complicated political situation, it laid the basis for the spread of the Russian language and the training of the translators and interpreters in this part of the Chinese empire, provided the accumulation of administrative and teaching experience which was used to open new Russian language schools there in the future.

Keywords: Russian language in China, Russian language teaching, Qing Empire, Russian-Chinese humanitarian relations.

В конце XIX — начале XX вв. по мере развития российско-китайских контактов цинские власти укрепляли работу по подготовке специалистов со знанием российской тематики. В разных районах Цинской империи открывались специализированные школы по преподаванию русского языка с целью решения конкретных военно-политических или торгово-экономических задач. Одним из таких учебных заведений стала Хуньчуньская переводческая школа русского языка, созданная по инициативе местных чиновников в стратегически важном приграничном с Россией районе — управе Хуньчунь (совр. городской уезд Хуньчунь провинции Цзилинь; кит.: *Хуньчунь*, 琿春). С её открытием была заложена традиция преподавания русского языка в китайском приграничье, сделан вклад в формирование русистики в Северо-Восточном Китае в целом.

В данной статье ставится задача изучить предпосылки и реконструировать ход создания этого учебного заведения, оценить его роль и значение в ранней истории развития русистики в Северо-Восточном Китае.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОЦЕСС ОТКРЫТИЯ ШКОЛЫ

Создание Хуньчуньской школы русского языка вписывалось в образовательную политику местных властей. Исторически Хуньчунь и близлежащие районы провинции Цзилинь имели довольно развитую систему общих учебных заведений. Открывались школы и училища для детей местной маньчжурской и монгольской знати¹, бесплатные школы для китайских военнослужащих, функционировало множество частных конфуцианских школ «шюань», готовивших претендентов для сдачи государственных экзаменов на получение учёных степеней (кит.: *кэцзюй*, 科举) [8, с. 3—6; 9, с. 20—25; 12, с. 123—131].

После проведения реформы системы образования в Китае, отмены в 1905 г. практики государственных экзаменов, учреждения в том же году Ведомства по делам просвещения (кит.: *Сюэбу*, 学部) в провинции Цзилинь начали появляться современные учебные заведения. К 1908 г. там насчитывалось 232 общеобразовательные государственные младшие школы², 1489 частных школ, 8 средних школ, 14 профессиональных училищ, в том числе два педагогических [12, с. 170]. С целью поддержки маньчжурского языка — государственного языка империи, который постепенно выходил из обращения в связи с ассимиляцией маньчжуров в китайском обществе, в 1883 г. была открыта Государственная школа перевода, в которой с 1899 г., кстати, функционировало русское отделение [1, с. 317—318].

Учреждение школы русского языка в Хуньчуне было обусловлено рядом объективных причин. Вслед за развитием приграничных связей становился всё более актуальным вопрос подготовки специалистов со знанием русского языка. «Три городских поселения — Хуньчунь, Нингута (кит.: 宁古塔) и Саньсин (кит.: 三姓) — граничат с Россией, имеют много контактов, в связи с чем ощущается большая потребность в переводчиках, — указывалось в архивных документах по созданию школы. — В городах среди чиновников нет людей, знающих русский язык. При получении посланий на русском языке [в ходе их рассмотрения] возникает много неточностей» [7, л. 4].

Кроме этого, в условиях активной российской внешней политики на Дальнем Востоке, ведшихся в то время пограничных дискуссиях по уточнению линии прохождения государственной границы между двумя империями китайские власти в приоритетном плане были вынуждены решать вопросы безопасности своих рубежей, анализировать действия россиян, их планы, что без знатоков русского языка также было

¹ В период с 1693 г., когда было образовано первое такое учебное заведение (Цзилиньская государственная школа левого крыла (кит.: цзилинь цзоин гуаньсюэ, 吉林左翼官学)), и до 1729 г. в провинции было создано 12 таких школ [12, с. 123—124].

² В самой управе Хуньчунь, в которую тогда входило пять волостей, первая начальная школа была образована в 1908 г. До 1924 г. там было открыто 35 начальных школ [2, с. 274—275].

невозможно. В 1881 г. в Хуньчуне была учреждена высокая должность *фу-дутуна* (начальник военной ставки, кит.: 副都统), на которую назначен маньчжур *Икэтана* (имя даётся в китайской транскрипции. — П.Л., кит.: 依克唐阿) [13, с. 105]. Военачальник признавал, что общая граница с Россией неминуемо ведёт к «увеличению совместных дел, которые зависят от [знаний] переводчиков. Часто возникают разночтения и непонимание [в переписке]... впоследствии, когда [переводчики] обучатся, при появлении задач они не встретят препятствий, смогут избежать ошибок, что будет в интересах приграничных дел» [АПЦ. Ф. J004. Оп. 02. Д. 0139. Л. 5—6]³.

Становилось очевидным, что без учреждения в Хуньчуне специальной структуры, способной готовить профессиональных специалистов со знанием русского языка, будет крайне сложно осуществлять полноценные контакты с Россией. В конце 1887 г. военный губернатор провинции Цзилинь Сиюань (кит.: 希元) через Военный совет (кит.: Цзюньцзичу, 军机处) обратился в Ведомство по делам всех государств (кит.: Цзунли гэго шу ямэнь, 总理各国事务衙门) с просьбой направить из Пекина в Хуньчунь в качестве переводчика и преподавателя русского языка знавшего русский язык секретаря Дворцовой канцелярии Цин Цюаня (кит.: 庆全). Толмач прибыл в указанное место в начале 1888 г., где после некоторой подготовки весной того же года решением уже нового военного губернатора провинции Чаншуня (кит.: 长顺) была учреждена Хуньчуньская переводческая школа русского языка (кит.: Фань эвэнь шуянь, 翻译俄文书院) [ПИА КНР. Ф. 33. Оп. 232. Микрофильм 32. Л. 177]. Так, впервые в истории приграничной с Россией провинции Цзилинь появилось специальное учебное заведение, целью которого было «обучение китайцев русскому языку для пополнения кадра переводчиков при сношениях с русскими властями» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 60].

³ В 80-х гг. XIX в. между двумя империями велись активные пограничные консультации относительно уточнения расположения пограничных знаков в районе Хуньчуня и оз. Ханка (кит.: *Синкайху*, 兴凯湖), обсуждались вопросы плавания китайских судов по реке Туманная (кит.: *Тумэньцзян*, 图们江). В 1886 г. из Пекина на границу, в район Хуньчуня, была направлена представительная делегация во главе с высокопоставленным чиновником У Дачэном (1853—1902; кит.: 吴大澂). Летом—осенью 1886 г. состоялась серия пограничных переговоров между китайскими представителями и российскими дальневосточными властями под руководством военного губернатора и командующего войсками Приморской области генерал-майором И.Г. Барановым, по итогам которых стороны подписали «Протоколы произведённой в 1886 году проверки русско-китайской границы, установленной в 1861 году на основании Пекинского дополнительного трактата 1860 года» (кит.: 俄中琿春东界约). В соответствии с соглашениями были восстановлены или заменены пограничные знаки, уточнено их месторасположение, с целью более чёткого определения на местности линии прохождения границы установлены дополнительные знаки, китайской стороне перешла небольшая территория, где располагалась российская деревня Савеловка (кит. название — *Хэйдинцзы*, 黑顶子), российские жители и развёрнутый там военный пост были перемещены вглубь российской территории. Подробнее о переговорах на этом участке границы и их результатах см., например: [14, с. 72—80; 18, с. 122—143].

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА:
УЧАЩИЕСЯ, ПРЕПОДАВАТЕЛИ, СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ,
СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЯ

Хуньчуньская школа при организации своей деятельности должна была полностью копировать работу Пекинской школы иностранных языков Тунвэньгуань (кит.: 京师同文馆) — первого в Китайской империи современного учебного заведения государственного уровня, открытого в 1862 г. для преподавания иностранных языков (отделение русского языка учреждено в 1863 г.) и ряда технических и гуманитарных учебных дисциплин [ПИА КНР. Ф. 33. Оп. 242. Микрофильм 34. Л. 41; 3, с. 481]⁴. Некоторые аспекты деятельности школы в Хуньчуне также регулировались с учётом опыта подготовки учащихся в Бэйянском военном училище (кит.: 北洋武备学堂) [7, л. 31], что подтверждало важность именно военной составляющей в работе местной администрации на российском направлении.

Школа создавалась для обеспечения русистами прежде всего трёх городских поселений — собственно Хуньчуня, а также находившихся рядом Саньсина и Нингуты. С учётом этого было принято решение первоначально ограничиться набором учащихся именно из этих районов. Ещё при командировании Цин Цюаня в Хуньчунь военный губернатор Сиюань определил категории принимавшихся абитуриентов: приказывалось зачислять «смышлёных детей солдат и офицеров из восьми знамён» из числа маньчжуров и монголов [7, л. 4об., 153 об.], а также китайских слушателей [7, л. 4 об., 14 об.]. Возраст абитуриентов составлял от 15 до 20 лет, планировалось первоначально по результатам вступительных испытаний по китайскому языку принять 15 слушателей [17, с. 2234]. В результате первой вступительной кампании были записаны в учащиеся семь человек из Хуньчуня, а остальные восемь — из Саньсина и Нингуты [АПЦ. Ф. J001. Оп. 14. Д. 1609. Л. 3]. Впоследствии распределение квот по трём поселениям осталось без изменений: семь вакантных мест — для абитуриентов из Хуньчуня, по четыре места — для претендентов из Нингуты и Саньсина [11, с. 122].

Срок обучения в школе определился не сразу. При открытии учебного заведения предполагалось, что слушатели будут обучаться там три года, по истечении которых сдавать выпускной экзамен [АПЦ. Ф. J001. Оп. 14. Д. 1609. Л. 3]. Однако в том же году (1888) Цин Цюань через военного губернатора направил в Ведомство по делам всех государств проект устава школы, в котором применительно к сроку обучения говорилось, что образовательные «предметы способные учащиеся освоят за шесть лет, неспособным потребуется девять лет» [7, л. 33 об.]. Первый

⁴ Подробнее о пекинской школе Тунвэньгуань и работе её русского отделения см., например: [4, с. 58—62; 5, с. 132—134].

учитель школы довольно убедительно объяснял причины увеличения срока обучения в школе, указывал, что «в русском языке имеется множество правил по изменению слов», среди «западных языков английский считается самым простым [для изучения]... французский считается следующим по трудности, немецкий язык труднее французского», «русский язык сопоставим по трудности с французским». Кроме этого, Цин Цюань сообщал, что «в английском, французском и немецком языках имеется всего 26 букв, а в русском — 36», в связи с чем учащимся потребуется больше времени на «освоение разговорного языка» [7, л. 36 об.].

Однако и этот срок обучения через несколько лет был признан недостаточным. В 1892 г. Цин Цюань вновь обратился к военному губернатору с просьбой увеличить срок обучения, объясняя свою просьбу тем, что «в течение четырёх лет с момента открытия школы учащиеся лишь отчасти овладели иностранным (русским. — *П.Л.*) и китайским языками; при переводе присланных россиянами грамот содержание написанного передают довольно плохо». С учётом этого к ранее установленному сроку в шесть лет он предлагал «добавить ещё два года обучения» [7, л. 85—85 об.].

В школе весьма быстро было составлено урочное расписание, рассчитанное на шестилетний срок обучения. В соответствии с распоряжением Ведомства по делам всех государств сразу после открытия школы Цин Цюань подготовил проект учебного плана, который был направлен в Пекин на рассмотрение [АПЦ. Ф. Ю04. Оп. 01. Д. 0200. Л. 3]. Обращает на себя внимание то, что первые два года учащиеся должны были постигать основы русского языка: изучать азбуку, словообразование, основы грамматики, учиться писать. Лишь начиная с третьего курса, слушатели переводили несложные фразы, а с четвёртого года обучения — официальные документы. На шестом курсе учащиеся овладевали техникой «устного перевода, переводили большие тексты, официальную переписку» [7, л. 32 об.—33 об.]. Кроме различных аспектов русского языка, учащиеся также изучали китайский язык.

Составленный Цин Цюанем учебный план был отклонён в Пекине. Чиновники ведомства посчитали его однотипным и простым. В китайской столице и на местах уже довольно долго существовали новые школы и училища комплексного обучения, в которых наравне с иностранными языками с успехом преподавали европейские технические, естественные и гуманитарные дисциплины. По замыслу же администрации хуньчуньской школы, там планировалось обучать лишь русскому языку. Учебный план был направлен в школу на доработку, рекомендовалось привести его в соответствие с учебным планом Бэйянского военного училища — добавить курсы по математике, тригонометрии, физике, навигации. В школе не смогли принять предложение столичных властей по той простой причине, что расширение расписания потребовало бы приглашения дополнительного числа преподавателей в условиях уже утверждённого объёма финансирования учебного заведения, который и без того был весьма

ограниченным. В результате в школе преподавались лишь предметы языкового курса, других учебных дисциплин введено так и не было.

Цин Цюань разработал оптимальную систему аттестации учащихся. Первоначальную идею скопировать экзаменационную систему, применявшуюся в пекинской школе Тунвэньгуань, в Ведомстве по делам всех государств отклонили и предложили взять за основу аттестационную практику Бэйянского училища. Таким образом, предусматривались месячные экзамены (сдавались в конце каждого месяца), квартальные экзамены (сдавались в третьем, шестом и двенадцатом месяцах), годовой экзамен (сдавался в девятом месяце) [7, л. 31 об.]. Экзаменационные работы по итогам квартальных и годовых экзаменов направлялись для проверки в Ведомство по делам всех государств [7, с. 168—168 об.]. Выпускников учебного заведения, как это следовало из целей создания школы, планировалось задействовать при контактах с Россией, а также направлять в районы империи, где возникала потребность в современных кадрах [15, с. 306].

С целью поощрения особо успешных слушателей по результатам экзаменов вводились денежные премии. При этом по договорённости с Ведомством по делам всех государств за счёт средств центральной казны награждали лишь отличившихся на квартальных и годовых экзаменах [19, с. 146].

Преподавание в школе вели китайские учителя. Первым наставником и фактически основателем учебного заведения стал Цин Цюань. Это был весьма удачный выбор местных властей: в 1872 г. он поступил в Тунвэньгуань, с 1876 г. начал обучаться там на отделении русского языка, которое успешно окончил в 1880 г., получив на выпускных экзаменах наивысший первый разряд. На следующий год был командирован в Россию в должности переводчика третьего класса китайского посольства в Петербурге. В 1884 г. вернулся в Пекин, где продолжил обучение в Тунвэньгуань, отучившись там в общей сложности более 12 лет [АПЦ. Ф. J004. Оп. 02. Д. 0139. Л. 4]. Несколько раз направлялся в провинцию Цзилинь для участия в пограничных переговорах, по окончании которых был командирован туда для организации школьного дела. После завершения работы в школе в 1894 г. вернулся в Пекин [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 60].

На посту учителя русского языка Цин Цюаня сменил также выпускник русского отделения Тунвэньгуань Мао Хунъюй (кит.: 毛鸿遇), который летом 1894 г. прибыл в Хуньчунь и, подписав трёхлетний контракт с учебным заведением, приступил к работе [АПЦ. Ф. J004. Оп. 02. Д. 2138. Л. 3]. До назначения в Хуньчунь с 1872 г. он обучался на русском отделении Тунвэньгуань, по окончании которого был зачислен на должность помощника преподавателя (кит.: *фуцзяоси*; 副教习) русского языка этого же учебного заведения. Впоследствии был переведён на должность старшего делопроизводителя (кит.: *чжуши*, 主事) Ведомства общественных работ (кит.: 工部) [АПЦ. Ф. J004. Оп. 05. Д. 1295. Л. 3]. После завершения работы

в школе остался в провинции Цзилинь, по меньшей мере до 1916 г. числился в должности сверхштатного секретаря уездного уровня [10, л. 28].

Это был последний наставник, командированный из Пекина в Хуньчунь. В школе за несколько лет её существования была сформирована своя преподавательская база. Так, в 1899 г. на должность помощника преподавателя был зачислен некий монгол Илифэйа (имя дано в китайской транскрипции. — П.Л., кит.: 衣力非阿), который проработал в школе до 1900 г. [АПЦ. Ф. J004. Оп. 01. Д. 0208. Л. 10; АПЦ. Ф. J066. Оп. 08. Д. 0551. Л. 2].

Первых преподавателей русского языка отличало то, что в школе они работали по совместительству. Основным местом службы у них была ставка губернатора, где они выполняли обязанности переводчика. Пограничная провинция Цзилинь поддерживала плотные контакты с российскими властями, которые и обеспечивал единственный преподаватель. Это, надо сказать, отвлекало наставников от организации полноценного учебного процесса.

Кроме преподавателей русского и китайского языков, штатное расписание также включало делопроизводителя, писаря, повара, разнорабочих [7, л. 5 об.]. Должности руководителя школы не было, и вопросами управления занимался преподаватель русского языка [13, с. 106].

Школа исправно финансировалась из центральной казны за счёт средств, выделенных по линии Ведомства финансов. Ежегодно на функционирование учебного заведения ассигновалось 1 тыс. 26 лянв серебра, а при его открытии разово было выдано 100 лянв серебра для приобретения книг на китайском и русском языках [7, л. 5 об.]. Приглашённым из Пекина преподавателям одновременно выплачивалось по 300 лянв на проездные [АПЦ. Ф. J004. Оп. 04. Д. 0860. Л. 3]. По другим данным, начиная с 1889 г. годовой объём финансирования составлял 2 тыс. лянв серебра [4, с. 686]⁵.

Указанные суммы не включали жалованье для китайских преподавателей русского языка, которое они получали от губернаторства. Видимо, из-за того что русист совмещал должности переводчика и преподавателя, а также осуществлял общий надзор за школой, ему был установлен

⁵ Основной денежной единицей в цинском Китае был серебряный лян. Один стандартный (или таможенный) лян весил 37,7 г. Серебро изготавливалось казёнными литейными мастерскими в виде слитков *юаньбао*, весом до 50 лянв; в ходу также были средние слитки (10 лянв) и мелкие (5 лянв). По данным китайских исследователей, рассчитать примерный обменный курс китайского серебряного лянна к современному юаню можно путём соотнесения прежних и нынешних цен на наиболее распространённые зерновые культуры: рис, гаолян, кукурузу, ячмень. При пересчёте выходит, что один стандартный лян серебра во второй половине XIX — начале XX в. соответствовал примерно 150—220 современным китайским юаням (22,7—33,3 долл. США по современному курсу). Применительно к российскому рублю обменный курс серебряного лянна в течение XVIII—XIX вв. оставался неизменным и составлял 2 рубля за 1 лян.

довольно высокий размер выплат — 60 лянв серебра в месяц [АПЦ. Ф. J066. Оп. 03. Д. 3945. Л. 3]. Учителю китайского языка выплачивалось 12 лянв серебра (в целом по учебным заведениям довольно низкий размер вознаграждения) [ПИА КНР. Ф. 33. Оп. 243. Микрофильм 34. Л. 56]. Ученикам первоначально была назначена небольшая стипендия в размере 2 лянв [ПИА КНР. Ф. 33. Оп. 243. Микрофильм 34. Л. 56], позже ставка увеличилась до 5 лянв, на которые они также должны были приобретать писчие принадлежности, а в зимнее время ещё обеспечивать отопление мест своего проживания [16, с. 269].

Надо сказать, что размер финансирования был более чем низкий. Например, годовое жалованье российского преподавателя в пекинской школе Тунвэньгуань в 1864 г. уже составляло 1 тыс. лянв в год [АВП РИ. Ф. 161. II-12. Оп. 52. Д. 1. Л. 13]. Из-за нехватки средств учителя хуньчуньской школы были вынуждены терпеть нужду. В 1900 г. упоминавшийся выше помощник преподавателя Илифэйа подал рапорт, в котором жаловался на отсутствие средств, в результате чего вся его семья была вынуждена «голодать и мёрзнуть». Власти выдали семье преподавателя единовременное пособие в размере 200 лянв [АПЦ. Ф. J004. Оп. 04. Д. 2581. Л. 2—3]. Финансовые трудности также испытывали и учащиеся. Первые четыре слушателя учебного заведения, принятые в школу ещё в 1888 г., осенью следующего года через старшего учителя школы направили в управление *фудутуна* обращение, в котором просили «выдать денежные средства на приобретение циновок и зимней одежды». После рассмотрения доклада учащимся было направлено в качестве разовой помощи каждому по 10 лянв на личные нужды [ПИА КНР. Ф. 33. Д. 232. Микрофильм 32. Л. 149].

ПЕРЕВОД ШКОЛЫ ИЗ ХУНЬЧУНЯ В ГИРИН И ЕЁ ЗАКРЫТИЕ

В 1898 г. в Хуньчуньской школе русского языка произошли значительные административные преобразования. Местный *фудутун* Инлянь (英联) предложил властям перевести учебное заведение в другой город в связи с экономией финансов и неудовлетворительной подготовкой в нём переводчиков русского языка. «По проверке выяснилось, что имеется открытая в прежнее время китайско-русская школа, которой руководит преподаватель, готовивший в течение нескольких лет выпускников, среди которых нет талантливых и пригодных [к работе]. Ежегодно [на содержание школы] требуется более 1 тыс. лянв. Но никаких результатов обучения нет... лучше школу расформировать, сократив расходы... учащихся перевести в военное училище» [АПЦ. Ф. J004. Оп. 01. Д. 0216. Л. 2—3].

В связи с докладом местного военачальника было принято решение о переводе школы в центральный город — Гирин (吉林), организовав её работу на базе городского военного училища. На новом месте школа

просуществовала совсем недолго: в 1900 г. «вследствие боксёрских беспорядков⁶ по приказанию *цзянцзюня* Чана занятия... были совсем прекращены» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 60].

В середине января 1901 г. работа учебного заведения была восстановлена и с целью её усиления там были проведены большие преобразования. Образовательное учреждение получило новое название — Гиринокое китайско-русское училище (кит.: *Цзилинь хуаэ сюэтан*, 吉林华俄学堂). После одобрения со стороны Ведомства по делам всех государств были введены ещё две должности: помощника преподавателя русского языка и преподавателя китайского языка [АПЦ. Ф. J004. Оп. 01. Д. 0208. Л. 15]. С 15 до 30 увеличено количество учащихся, объём финансирования стал составлять 2,6 тыс. ляннов серебра [АПЦ. Ф. J004. Оп. 01. Д. 0208. Л. 10, 12]. По рекомендации приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова, принявшего участие в церемонии открытия училища, туда был рекомендован российский преподаватель — некий коллежский секретарь по фамилии Большаков [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 60 об.; АПЦ. Ф. 33. Оп. 01. Д. 88. Л. 2].

Не исключено, что в итоге всех преобразований училище имело все шансы стать довольно авторитетным учебным заведением в провинции Цзилинь по подготовке специалистов по России. Однако «война [России] с Японией и главным образом переезд в марте 1905 г. нашего (российского. — П.Л.) агентства из Гирина в Харбин, а вместе с ним и учителя Большакова послужили причиной прекращения занятий в школе и закрытия её» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 60 об.].

Однако в планы местных властей, по-видимому, не входило отказаться от подготовки русистов. В 1907 г. училище восстановило свою работу, получив более высокий статус среднего специального языкового училища, целью которого теперь стала подготовка переводческих кадров не только для провинции Цзилинь, но и соседней провинции Хэйлунцзян [АПЦ. Ф. 33. Оп. 02. Д. 842. Л. 4]⁷. Наконец, в том же 1907 г. в Гирине было открыто Гиринокое училище иностранных языков (кит.: *Цзилинь вайгоуй сюэтан*, 吉林外国语学堂), где было организовано преподавание пяти иностранных языков, в том числе и русского языка [АПЦ. Ф. J035. Оп. 01. Д. 0025. Л. 4].

Такова была история Хуньчуньской школы русского языка. Это был первый шаг местной администрации по созданию учебной инфраструктуры, позволяющей наладить системное преподавание китайским подданным русского языка.

⁶ Восстание ихэтуаней, направленное на свержение иностранного господства в Китае в то время.

⁷ Кроме изучения общеобразовательных дисциплин, что не удалось организовать в Хуньчуньской школе русского языка, в пореформенном учебном заведении слушатели по своему усмотрению изучали на выбор русский, английский или японский язык, а особо одарённые могли изучать сразу два иностранных языка. См.: [АПЦ. Ф. 33. Оп. 02. Д. 842. Л. 4].

Видно, что высшее руководство провинции уделяло большое внимание обеспечению переводчиками российского направления своих внешних контактов. Инициатором открытия учебного заведения был военный губернатор провинции, а решение принималось в центральном внешнеполитическом ведомстве в Пекине. Из столицы были командированы первые наставники, работа школы строилась в соответствии с нормативными актами одного из перспективных столичных учебных заведений — школы Тунвэньгуань. Центральные власти также обеспечивали финансирование школы, что делало её более стабильной в организационном плане.

При всём этом учебное заведение, судя по всему, так и не смогло оправдать возложенных на него надежд. В историографии пока не встретилось упоминаний ни об одном учащемся этой школы, который впоследствии приобрёл бы известность знатока русского языка. По всей видимости, низкая мотивация слушателей, слабо квалифицированные преподаватели и финансовые затруднения не позволили наладить подготовку высококлассных знатоков русского языка и специалистов по России. «Со дня учреждения школы в Хуньчуне до дня перевода её в Гири́н, — довольно убедительно указывалось в российских источниках, — окончивших курс не было, так как занятия велись нерегулярно, и дело преподавания русского языка поручалось лицам, мало с ним знакомым» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 60 об.].

Как бы то ни было, Хуньчуньская школа русского языка заложила основу для знакомства китайских подданных с русским языком и нашим государством, что являлось весьма важным с учётом приграничного статуса провинции Цзилинь.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ван Хунбинь, Сян Нань. Дунбэй цзяоюй тунши = Ван Хунбинь, Сян Нань. Общая история образования на Северо-Востоке [Китая]. Шэньян: Ляонин цзяоюй чубаньшэ, 1992. 822 с.
2. Ли Шутянь. Хуньчунь шичжи = Ли Шутянь. История Хуньчуня. Цзилинь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1990. 772 с.
3. Сунь Цзыхэ. Циндай тунвэньгуань чжи яньцзю = Сунь Цзыхэ. Исследования цинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань. Тайбэй: Цзясинь шуйни гунсы вэньхуа цзицзиньхуэй, 1977. 578 с.
4. Фань Байчуань. Цинци дэ янью синьчжэн = Фань Байчуань. Новая политика Движения по «освоению заморских дел» во время династии Цин. Т. I. Шанхай: Шанхай шудянь чубаньшэ, 2003. 1587 с.
5. Хао Шуся. Цзинши тунвэньгуань дэ эюй цзяосюэ = Хао Шуся. Преподавание русского языка в пекинской Школе иностранных языков Тунвэньгуань // Чжунго эюй цзяосюэ. 2005. № 2. С. 58—62.
6. Хао Шуся. Вань цин чжунгэ вайцзяо юй цзинши тунвэньгуань эвэнь цзяоюй = Хао Шуся. Китайско-русская дипломатия в поздний период династии Цин

- и преподавание русского языка в пекинской Школе иностранных языков Тунвэньгуань // Цзяюй пинлунь. 2012. № 4. С. 132—134.
7. Цзилинь тяньшэ эвнь шуюань ань = Дело об открытии в [провинции] Цзилинь Школы русского языка. Пекин, 1908. 204 л. // Китайская государственная библиотека. Зал древних актов. Шифр хранения: 73365.
 8. Цзилинь цзяюй да шицзи = Значимые события в области образования в провинции Цзилинь. Т. 1. Чанчунь: Цзилинь цзяюй чубаньшэ, 1989. 461 с.
 9. Цзилинь шэн чжи = История провинции Цзилинь. Т. 37. Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 1992. 564 с.
 10. Цзинши тунвэньгуань сюэю ди и цы хуэй баогаошу = Доклад первого совещания выпускников пекинского Училища иностранных языков Тунвэньгуань / под ред. Ма Яньляна. Пекин: Цзинхуа иньшущюй, 1916. 268 л. // Китайская государственная библиотека. Зал древних актов. Шифр хранения: 10793.
 11. Цзинь Байкуй. Чжунгэ шуюань = Цзинь Байкуй. Китайско-русская школа // Хуньчунь вэньши цзыляо = Материалы по литературе и истории Хуньчуня. 3-е изд. Хуньчунь: Чжэнсе цзилинь шэн хуньчунь сянь вэйюаньхуэй, 1990. С. 121—123.
 12. Ци Хуншэн. Дунбэй дифан цзяюй ши = Ци Хуншэн. История местного образования на Северо-Востоке [Китая]. Шэньян: Ляонин дасюэ чубаньшэ, 1991. 368 с.
 13. Чан Цзялинь. Хуньчунь эвэнь шуюань = Чан Цзялинь. Хуньчуньская школа русского языка // Лиши дангань = Исторический архив. 2005. № 4. С. 104—107.
 14. Чжан Цзунхай, Чжан Линьбэй. У Дачэн юй «Чжунгэ хуньчунь дунце юэ» = Чжан Цзунхай, Чжан Линьбэй. У Дачэн и «Протоколы, произведённой в 1886 году проверки русско-китайской границы, установленной в 1861 году на основании Пекинского дополнительного трактата 1860 года» // Элосы сюэкань = Научный журнал «Россия». 2013. № 6. С. 72—80.
 15. Чжунго цзиньдай сюэчжи шиляо = Исторические материалы по системе образования в Китае в Новое время / под ред. Чжу Юсяня. 1-е изд. Т. 1. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1983. 610 с.
 16. Чжунго цзиньдай цзяюй ши цзыляо хуэйбянь. Янью юньдун шици цяюй = Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Образование в период Движения по «освоению заморских дел» / под ред. Гао Шиляна, Хуан Жэньсяна. Шанхай: Шанхай цзяюй чубаньшэ, 2007. 1033 с.
 17. Чжунго шуюань ши цзыляо = Материалы по истории конфуцианских школ «шуюань» в Китае. Ч. 3. Ханчжоу: Чжэцзян цзяюй чубаньшэ, 1998. 1850—2787 с.
 18. Чжунгэ бяньце тяюэ цзи (эвэнь бань) = Сборник китайско-российских пограничных договоров (редакция на русском языке). Пекин: Шаньгу иньшу гуань, 1973. 227 с.
 19. Янью юньдун = Движение по «освоению заморских дел» // Чжунго цзиньдай ши цзыляо цункань = Сборник исторических материалов по Новой истории Китая. Т. II. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1961. 625 с.
 20. АВП РИ (Арх. внешней политики Российской Империи).
 21. АПЦ (Арх. провинции Цзилинь).
 22. ПИА КНР (Первый исторический арх. КНР).

REFERENCES

1. Wang Hongbin, Xiang Nan. *Dongbei jiaoyu tongshi* [Wang Hongbin, Xiang Nan. General history of education in Northeast [China]]. Shenyang, Liaoning education Publ., 1992, 822 p. (In Chin.)
2. Li Shutian. *Hunchun shizhi* [Li Shutian. History of Hunchun]. Jilin, Jilin literature and history Publ., 1990, 772 p. (In Chin.)

3. Sun Zihe. *Qingdai tongwenguan zhi yanjiu* [Sun Zihe. Research on the Qing school of foreign languages “Tongwenguan”]. Taibei, Jianxi “shuini” Company Ltd. Publ., 1977, 578 p. (In Chin.)
4. Fan Baichuan. *Qingji de yangwu xinzheng* [Fan Baichuan. New policy of “Yangwu” in the Qing Dynasty]. Vol. 1. Shanghai, Shanghai Bookstore Publ., 2003, 1587 p. (In Chin.)
5. Hao Shuxie. *Jingshi tongwenguan de eyu jiaoxue* [Hao Shuxie. Teaching Russian in Beijing school of foreign languages “Tongwenguan”]. *Zhongguo eyu jiaoxue* [Teaching Russian in China], 2005, no. 2, pp. 58–62. (In Chin.)
6. Hao Shuxie. *Wanqing zhong waijiao yu jingshi tongwenguan ewen jiaoyu* [Hao Shuxie. Chinese-Russian diplomacy in the late period of the Qing dynasty and teaching Russian in Beijing school of foreign languages “Tongwenguan”]. *Jiaoyu pinglun* [Educational assessment], 2012, no. 4, pp. 132–134. (In Chin.)
7. *Jilin tianshe ewen shuyuan an* [The case of the opening of the Jilin Russian language school]. Beijing, 1908, 204 p. National Library of China. Reading room of Ancient Books. Library code: 73365. (In Chin.)
8. *Jilin jiaoyu da shiji* [Significant events in the education sphere in Jilin province]. Pt. 1. Changchun, Jilin Education Publ., 1989, 461 p. (In Chin.)
9. *Jilin sheng zhi* [History of Jilin province]. Vol. 37. Changchun, Jilin people Publ., 1992, 564 p. (In Chin.)
10. *Jingshi tongwenguan xueyou di yi ci hui baogaoshu* [A report of the first meeting of the school leavers of Beijing school of foreign languages “Tongwenguan”] / ed. by Ma Yanliang. Beijing, “Jinghua” Publ., 1916, 268 p. National Library of China. Reading room of Ancient Books. Library code: 10793. (In Chin.)
11. Jin Baikui. *Zhong’e shuyuan* [Jin Baikui. Chinese-Russian School]. *Hunchun wenshi ziliao* [Materials on literature and history of Hunchun]. 3^d edition. Hunchun, Hunchun committee of the Consultative council of Jilin province Publ., 1990, pp. 121–123. (In Chin.)
12. Qi Hongshen. *Dongbei difang jiaoyu shi* [Qi Hongshen. History of local education in Northeast [China]]. Shenyang, Liaoning University Publ., 1991, 368 p. (In Chin.)
13. Chang Jialin. *Hunchun ewen shuyuan* [Chang Jialin. Hunchun Russian Language School]. *Lishi dang’an* [Historical archive], 2005, no. 4, pp. 104–107. (In Chin.)
14. Zhang Zonghai, Zhang Linbei. *Wu Dacheng yu “Zhong’e hunchun dongjie yue”* [Zhang Zonghai, Zhang Linbei. Reports of the inspection of the Russian-Chinese border in 1886, which was established in 1861 on the basis of the Beijing additional treaty of 1860]. *Eluosi xuekan*, 2013, no. 6, pp. 72–80. (In Chin.)
15. *Zhongguo jindai xuezhishi ziliao* [Historical materials on the education system in Modern China] / ed. by Zhu Yuxian. 1st Edition. Vol. 1. Shanghai, Huadong Normal University Publ., 1983, 610 p. (In Chin.)
16. *Zhongguo jindai jiaoyu shi ziliao huibian. Yangwu yundong shiqi jiaoyu* [Collection of materials on the education in Modern China. Education during the “Yangwu” campaign] / ed. by Gao Shiliang, Huang Renxiang. Shanghai, Shanghai Education Publ., 2007, 1033 p. (In Chin.)
17. *Zhongguo shuyuan shi ziliao* [Materials on the history of traditional Chinese schools “shuyuan” in China]. Hangzhou, Zhejiang Education Publ., 1998, pt. 3, pp. 1850–2787. (In Chin.)
18. *Zhong’e bianjie tiaoyue ji (ewen ban)* [Collection of Chinese-Russian boundary treaties (edition in Russian)]. Beijing, Commercial Press Publ., 1973, 227 p. (In Chin.)
19. *Yangwu yundong* [The “Yangwu” campaign]. *Zhongguo jindai shi ziliao congkan* [Collection of materials on modern history of China], vol. 2. Shanghai, Shanghai Renmin Publ., 1961, 625 p. (In Chin.)